

ЗАМЫСЕЛ «НЕТОЧКИ НЕЗВАНОВОЙ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ 1840-х ГОДОВ

Игорь Кравчук
(Санкт-Петербург)

Статья посвящена истории замысла незавершено романа «Неточка Незванова» (1848–1849), на примере которой исследуется писательская стратегия Ф. М. Достоевского конца 1840-х гг. Как известно, роман «Бедные люди» (1844) был горячо поддержан Белинским, однако следующее произведение Достоевского — «Двойник» (1846) разочаровал критиков. В своих следующих произведениях Достоевский стремится вернуть утраченные позиции.

17 декабря 1846 г. в письме к брату Михаилу Ф. М. Достоевский ясно излагает цель своего нового сочинения: «Пишу я с рвением. Мне все кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего в “Отечеств<енных> записках” и устанавливаю, и за этот год мое первенство назло недоброжелателям моим» [Достоевский: XXVIII₁, 135]¹. Зимой 1847 г. писатель характеризует будущий роман так: «исповедь, как Голядкин, хотя в другом тоне и роде» [Там же: 140]. В письмах 1840-х и 1860-х гг. Достоевский настойчиво сопоставляет «Неточку Незванову» с «Бедными людьми» (1844) и «Двойником» (1846), т. е. с самым успешным ранним произведением и с сочинением, вызвавшим наиболее проти-

---

¹ Любопытно, что используемые уязвленным писателем выражения напоминают язык героя повести «Двойник» Голядкина. Ср., напр.: «Приписываю все сие недоразумению, гнусной клевете, зависти и недоброжелательству тех, коих справедливо могу наименовать ожесточеннейшими врагами моими» [Достоевский: I, 389]. См. также письмо к брату, приблизительно датированное 7 мая 1847 г., в котором Достоевский сетует на то, что «друзья Современники» «решительно стараются <...> его похоронить» [Там же: XXVIII₁, 140–141].

воречивую реакцию современников писателя. Опыты Достоевского конца 1840-х гг. объединяет настойчивое стремление автора не просто добиться успеха, сопоставимого с успехом дебютного произведения, но и вернуться к романной форме. 18 июля 1849 г., уже находясь в Петропавловской крепости, Достоевский сообщает брату: «У меня есть и занятия. Я времени даром не потерял, выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь, но боюсь работать много» [Достоевский: XXVIII, 156].

Единственное известное «крепостное» сочинение Достоевского — рассказ «Маленький герой» (1857), первоначальное название — «Детская сказка». В предисловии к нему автор снова упоминает о намерении написать роман: «Но Боже мой! еще я слышу, какой звонкий смех сорвался с твоих губок, когда я предупредил тебя, что *герою романа*, который я намерен рассказывать, еще не было одиннадцати лет ...» [Там же: II, 456]. Нереализованное жанровое задание — написать роман — объединяет «Маленького героя» с «Неточкой Незвановой».

Двум текстам присущи также общие черты: перволичное повествование, процесс реконструкции прошлого и монтирования воспоминаний детства, осуществляемый нарратором. В обоих произведениях герой-рассказчик играет роль наблюдателя совершающихся вокруг него событий, весьма второстепенную и пассивную, но постепенно героиня «отвоевывает» свое право стать полноценным действующим лицом «большой», «взрослой жизни». В «Неточке Незвановой» кульминационной сценой становится финал третьей части, в которой героиня вступает за честь Александры Михайловны и бросает открытое обвинение ее супругу. В «Маленьком герое» этот переход организован сложнее. Сцена с Танкредом в финале рассказа оказывается «ложной кульминацией», а подлинным событием становится разгадка тайны и возвращение пакета от Н-ого. По нашему предположению, «Неточка Незванова» и «Маленький герой» являются *двумя попытками реализации* замысла одного и того же произведения. Обратимся к нескольким фрагментам текста из журнальной редакции, которые были опущены при переработке «Неточки Незвановой» в повесть.

Из варианта, опубликованного в составе двухтомника сочинений Достоевского 1861 г., полностью выведены отсылки к дискуссии по «женскому вопросу» в России:

Здесь я спешу заметить (про себя), что если и написала целые две страницы об искусстве, прикрываясь авторитетом такого знатока, как Б., то это вовсе не для того, чтоб похвалиться глубиной познаний моих и прослыть русским «синим чулком», а единственно затем, чтоб рассказ мой был как можно понятнее [Достоевский: II, 435].

Бесспорно выбор ее <Александры Михайловны> чтения был довольно странен, потому что она почти наизусть знала Плутарха. Но в оправдание ее скажу, что она читала его по-французски [Там же: 450].

Как показала в своей монографии «Разговоры с зеркалом и Зазеркальем» И. Савкина, культурная ситуация нового времени позволяет нам объединять в некий единый «женский текст» художественные, документальные и публицистические тексты о женщинах, для женщин и написанные женщинами [Савкина]. В публицистике середины XIX в. активно поднимались вопросы о маргинальном статусе пишущих и образованных женщин. В статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1843) Белинский писал:

Звание писательницы пока еще контрабанда не у одних нас. Лживый взгляд на женщину осуждает ее на молчание. Этот взгляд, запрещающий женщине выходить из заколдованного круга простых светских отношений, не есть принадлежность собственно русского общества <...>. Никакая пишущая женщина в Европе не избегнет пошлых намеков и названия *синего чулка*, каков бы ни был ее талант, равно всеми признанный [Белинский: VII, 648].

Личность и внутренний мир женщины довольно долго ассоциировались с определенным типом письма: автобиографического, исповедального, тесно связанного с миром чувств и предельно далекого от насущных социальных вопросов. Тематика женского текста переносилась и на стилистику, поддерживая дихотомию «мужской» и «женской» культуры. Так, Белинский, критикуя тургеневского «Уездного лекаря», подчеркивает: «В “Уездном лекаре” я не понял ни единого слова, а потому ничего не скажу о нем; а вот моя жена в восторге от него — бабье дело! Да ведь и Иван-то Сергеевич бабье порядочное!»² [Там же: XII, 713].

---

² Сам Тургенев в рецензии на роман Евгении Тур «Племянница» (1852), снисходительно отзываясь о популярных в 1840-е гг. иерархиях дарований, фактически связывает отразившуюся в книге искренность «русской женщины» с природой талантов «второго разряда» (см.: [Тургенев: IV, 473–474]).

В «Письмах иногороднего подписчика...» (1849) Дружинин уничижительно высказался о «Неточке Незвановой»: «Поставьте на место Неточки мальчика, воспитанного бедными и несогласными родителями, и все, что ни говорит о себе героиня романа, может быть применено к этому мальчику» [Дружинин: 2, 186]. В этом контексте показательным является сопоставление «Неточки Незвановой» с романом А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» (1848). Некоторые образы и сцены у Достоевского представляются прямой антитезой сходным художественным элементам у Панаевой. Например, писательница в ее романе подписывается мужским псевдонимом, что обозначает дистанцию автора от повествователя, в отличие от героини Достоевского.

Обратим внимание также на автохарактеристику главной героини «Семейства»: «Как лицо среднего рода, не то девочка, не то мальчик, и никем не любимое, я была предоставлена природе» [Панаева: 158]. Спасение героини из мира насилия и унижения оказывается традиционным: девушка выходит замуж. Личностный рост женщины состоит, таким образом, в обретении гендерной идентичности. Неточка Незванова, напротив, постоянно примеряет на себя разные возрастные и гендерные модели поведения, играя то роль матери Ефимова, то пылкого влюбленного во взаимоотношениях с княжной Катей, то снова матери по отношению к Александре Михайловне. Апеллируя к привычной для прогрессивного читателя 1840-х гг. полемике по «женскому вопросу», Достоевский на самом деле снимает гендерную проблематику. Писатель реконструирует сознание героини, не прибегая к детерминации гендера и социальной среды.

Неслучайно Дружинин упрекал Достоевского за то, что автор не раскрыл женского характера. Определения критика — «вялость» и «бесцветность» главных персонажей (Неточки и Лареньки) — перекочевали в целый ряд научных исследований. Так, К. Мочульский писал:

Неточка — слишком бледная фигура, слишком рассказчица, а не героиня. Она всегда скромно уступает место другим персонажам и не в силах объединить вокруг своей личности события романа. Она рассказывает историю своей жизни, но судьба ее — сопровождать жизнь людей более значительных, чем она сама [Мочульский: 270].

Ход повествования, между тем, опровергает подобный взгляд на героиню. По мере приближения к сцене с письмом и последующим разоблачением Петра Александровича статус Неточки как нарратора трансформируется. Достоевский заменил третьеличное повествование перволичным и дает именно Неточке выступить в качестве героя, действия которого приводят к кульминации романа: именно Неточка, а не Орлов («фантомный персонаж») обнаруживает письмо к Александре Михайловне.

Первые рецензенты произведения достаточно рано отметили рассогласованность текста, тенденцию распадаться на несколько новелл с механистичными сюжетными переходами (в основном, через эпизоды болезни и беспамятства главной героини). Сюжетный ритм задается серией «инициаций», меняющих статус субъекта повествования. Таким образом, типичный сюжет о бесправной женщине, преодолевающей инерцию и диктат среды через осознание и реализацию гендерной идентичности, в «Неточке Незвановой» трансформируется в «психологический сюжет», снимающий социальную детерминированность личности и гендерную проблематику.

Отдельного внимания заслуживает и полностью выведенная из повести линия Лареньки. В характеристике своего alter ego Неточка использует лексику антропологической эстетики В. Н. Майкова. Одним из примеров может быть рассуждение Неточки о «порочном сенсуализме», свойственном забытым детям, обещающим со временем вырасти в эгоистов. Обратимся к следующему фрагменту:

Из всех рассказов его было видно, однако ж, что бедняжка слишком, даже не по летам своим, был *симпатичен* и впечатлителен, что он самую горячею любовью любил своих родителей; но неизлечимо было его убеждение! [Достоевский: II, 442]

В приведенной цитате, по нашему мнению, имеется в виду симпатическая эстетика. Важно учитывать и контекст возникновения определения персонажа. Согласно Фейербаху, сила впечатления и убеждения, составляющая центр религиозной феноменологии, препятствует нормальному развитию личности и нормальному проявлению чувств. Убеждение «неизлечимо», следовательно, оно — болезнь. Подобная постановка проблемы адресует к самому широкому спектру аффективных теорий и моделей субъекти-

вазии, присущих, в том числе, захватившим окружение Достоевского социальным утопиям. Они предусматривали «нормализацию» человеческого существа в духе концепции «двенадцати страстей», предложенной в свое время Фурье [Фурье: 4, 99].

Психосоциальный анализ в утопической мысли 1840-х гг. тесно связан с задачей формирования нового человека и, следовательно, создания идеальной модели личности и судьбы. У петрашевцев и круга Майкова пользовались популярностью книги не только Фурье и Фейербаха, но и труды, созданные представителями т. н. тюбингенской экзегетики. Здесь важно указать на работу «Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса, вобравшую в себя всю сложность и остроту философских споров о субъекте в новую эпоху:

Отличать исторического Христа от Христа идеального, от заложенного в разуме человеческом нормального прототипа человека и относить спасительную веру человека от первого к последнему повелевают нам неотразимые доводы истории развития духа; в этом состоит то прогрессивное превращение религии Христа в религию гуманности, к которому направлены все благородные стремления нашего времени [Штраус: 2, 217].

Переосмысление фигуры Спасителя как идеальной личности отвечает духу поиска универсальных этических начал, свойственному философии В. Н. Майкова. Оспаривая взгляды позднего Белинского, построенные на системном, каталогизирующем знании, приоритете рационального, действительного и умопостигаемого³, Майков разрабатывает программу преодоления национальных и классовых различий через приближение к идеалу богоподобного человека (см.: [Комарович: 22]). В такой трактовке подлинная прогрессивная художественность имеет право начисто пренебречь или инвертировать логику социальных детерминаций, если этого требует психологическая достоверность. Напротив, стремление позитивного сознания внести окружающий мир в некий систематический каталог воспринимается как доктринерский отрыв от действительности:

---

³ По мнению А. Вдовина, здесь мы имеем прежнее органицистское мировоззрение Белинского, перелицованное под влиянием времени и внутренних разногласий в редакции «Современника» [Вдовин: 76].

Человек, в котором, как в зеркале, отражена картинка внешних обстоятельств его жизни, вся панорама фактов его возникновения и развития, это ли свободно разумное существо, созданное по образу и подобию Бога? <...> Если вникнуть в источник нашего уважения к тем людям, которых называем мы великими, нельзя не убедиться, что мы уважаем в них силу противодействия внешним обстоятельствам, препятствующим каждому из нас приблизиться к идеалу богоподобного человека [Майков: 129–130].

Дискредитация методологии Белинского, а значит и миметических конвенций натуральной школы, обнаруживается не только в текстах самого Майкова, но и в художественных произведениях молодых литераторов, связанных с ним более или менее тесными кружковыми отношениями. Так, известное осмеяние «натурального», детерминистского мышления мы можем найти в повести Салтыкова «Противоречия» (1847). В одном из диалогов Таня, пародируя стиль высказываний Нагибина («все необходимо, но необходимо исторически»), спрашивает его: «— Так, так, Андрей Павлыч; ну, а если б вас... кто-нибудь ударил... ведь это было бы необходимо... по крайней мере, исторически?..» [Салтыков: I, 92]. Неслучайна крайне раздраженная реакция Белинского, назвавшего повесть «идиотской глупостью» [Белинский: XII, 421].

В заключение выдвинем гипотезу. Разрабатывая план триумфального возвращения в большую литературу, Достоевский намеревался утвердить новый тип психологического повествования. Он вводит иное решение гендерной проблематики и антропологическую эстетику в произведение. Напомним, что именно Валериан Майков был одним из немногих критиков, решившихся выступить «адвокатом» повести «Двойник». Майков противопоставил Достоевского Гоголю как психологического художника — художнику социальному. Иными словами, критик радикализовал проблематику «Приключений господина Голядкина», в которой тот же Белинский увидел лишь «фантастический колорит». Смысл той эстетической инновации, которую, по замыслу Достоевского, должна была представить собой «Неточка Незванова», состоял в разработке некоей «положительной биографической программы» по сравнению с «Двойником». Голядкин и Неточка по-разному преодолевают иерархические социальные детерминации, предлагаемые средой. Если Голядкин оказывается заложником собственного дискурса, то Неточка преодолевает границы

фантастического мира, созданного ее детским воображением, и активно переносит себя в действие, в сферу межсубъектных отношений. В свете подобной интерпретации произведение «Маленький герой» предстает вариацией этого сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959.
- Вдовин: *Вдовин А.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии по русской литературе. Tartu, 2011.
- Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дружинин: [*Дружинин А. В.*] Письмо иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // *Современник*. 1849. № 2. Отд. V.
- Комарович: *Комарович В. Л.* Юность Достоевского // *Былое*. 1924. № 23. С. 3–43.
- Майков: *Майков В. Н.* Литературная критика: Статьи. Рецензии. Л., 1985.
- Мочульский: *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
- Панаева: *Панаева А. Я.* Семейство Тальниковых: Повесть. Л., 1928.
- Савкина: *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.
- Салтыков: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977.
- Тургенев: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–.
- Фурье: *Фурье Ш.* Избранные сочинения: В 4 т. М.; Л., 1951–1954.
- Штраус: *Штраус Д. Ф.* Жизнь Иисуса / Пер. В. Ульриха. Лейпциг; СПб., 1907. Кн. 1–2.